

An abstract painting of a tiger's head, rendered in a highly textured, expressive style. The tiger's face is the central focus, with its eyes looking directly forward. The fur is depicted with thick, impasto brushstrokes in shades of yellow, black, and brown. The background is a vibrant blue with swirling, wavy patterns and some red and green accents. The overall composition is dynamic and energetic.

Ринат Валиуллин

**ПОВЕСТЬ
О НАСТОЯЩЕМ ШАРИКЕ**

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ринат Валиуллин

Повесть о настоящем Шарике

«Антология»

2014

Валиуллин Р. Р.

Повесть о настоящем Шарике / Р. Р. Валиуллин — «Антология», 2014

«Повесть о настоящем Шарике» – это история одинокого бездомного пса, который путём проб и ошибок вывел концепцию счастливой собачьей жизни: «лучшие новости – это хорошие, что лучшая политика – это деньги в кармане, лучший спорт – это секс, лучшая погода – это самочувствие». История трогательная и смешная, порою дерзкая, правдивая и безумная, что позволяет сквозь призму воображения, игру слов и изысканный стиль автора взглянуть на нашу жизнь иначе, глазами Шарика.

© Валиуллин Р. Р., 2014

© Антология, 2014

Ринат Валиуллин

Повесть о настоящем Шарике

В оформлении обложки использована картина Рината Валиуллина «Шарик»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Валиуллин Р. Р., 2014

© ООО «Антология», 2014

* * *

Шарль достал сигарету и закурил. В Булонском лесу его чувств было спокойно как никогда. Мужественное лицо, пережившее не одно падение нравов, скачков курсов душевных акций и обмена валюты ценностей, выражало полное безразличие к этому миру, даже когда рядом проехал грузовик. Это был другой Шарик, который уже никогда не сможет броситься за ним с весёлым лаем выгонять накопившиеся эмоции и гормоны. «Куда всё ушло?» – подумал пёс. Он поправил рыжий меховой воротник чёрного пальто, на котором седая благородная проседь блестела серебром благополучия, и медленно двинулся в сторону дома. Жизнь, какой бы она ни была собачьей, всё же удалась.

* * *

«Жрать хочется, да и секс был бы не лишним, что же всё-таки на первом месте: жратва или размножение? Надо Фрейда перечитать. Блин, где же я вчера кость закопал? Так... В этом бачке нашёл, потом подрался из-за неё с Тузиком вот здесь. В этом углу я его мутузил! Так, потом побежал в парк, где-то на клумбе у памятника...» – рассуждал про себя Шарик. «Здесь у нас кто? Пушкин, нет, тот был лысый... А, вот он! Узнаю клумбу... О-о-о!» – начал рыть землю Шарик. Когда он уже облизывал кость, к нему подбежала ещё одна дворняга:

– Здравствуй, Шарик!

– Привет, Карма, – поцеловались.

«Чем от неё так воняет? Опять она зубы не почистила!» – опустил он голову, чтобы не слышать этого запаха и двинул лапой вперёд кость.

– Грызть будешь? У меня тут говядина, прошу к столу! Что ты нос воротишь? Кость-то совсем свежая, я её вчера нашёл.

– Ты такой гостеприимный, Шарик.

«Поздно», – подумал он про себя, понюхав у Кармы под хвостом. «Зря только косточку потратил... Ну, ладно, как-нибудь в другой раз... Вот бабы, знают же, что продолжения не будет, но от ужина никогда не откажутся». Женщины всегда делились для него на три большие группы: первые – доверчивые, которые жили верой в светлое будущее, вторые – что уже потеряли веру и довольствовались надеждой, в третью группу входили те, что любили, любили его. Входили и выходили. Торча в своём одиночестве, он упорно делил их на группы, не отдавая отчёта себе в том, что женщины не умеют делиться. Шарик оставил Карму за столом и побежал дальше, на поиски еды.

«Где бы мне пожрать?» – перебегали впереди него дорогу мысли. «Куда ты прёшь, урод, на своём „Опеле“? Что ты орёшь? Я даже слова такого не знаю – шелудивый. Нет, не надоело ещё. И как бы она мне не надоела, моя жизнь, я сам разберусь с ней, в крайнем случае, терять её под твоим корытом точно не хотелось бы. Разуй глаза! Не видишь, зелёный мне горит!» – продолжал рычать про себя Шарик.

«Может, к Мухе? У неё всегда была заначка. Так трудно бегать на голодный желудок, старею, что ли? Да нет, показалось...» – прибавил он ходу.

– Шарик! – бросилась на грудь ему лохматая рыжая сука.

– Муха, привет! – поцеловались.

«И от тебя, как от Кармы, воняет, вчера в одной помойке рылись, что ли?» – промолчал Шарик. – Есть чё пожрать, а то я на этой неделе не завтракал... Слушай, давай потом эти игры, – отстранился он от мухиной привязанности. – Дай сначала червячка заморить...

– Макароны будешь?

– Да, сойдёт! А соус есть? – набросился пёс на еду. – Кстати, ты не знаешь, что такое шелудивый? – при виде соуса вспомнил красную морду водителя «Опеля» Шарик.

– Шелудивый? Не, не знаю, мне кажется от слова «дивный», – блеснула филологическая искра в голове Мухи.

– А вот мне так не показалось, хотя я не против, – метал макароны Шарик.

– Мне всё время говорят, что я хорошо сохранилась, – умилялась его аппетитом Муха. В душе она всё же мечтала, чтобы кто-нибудь очень мужественный так же набрасывался на неё. – Как ты думаешь, льстят?

– А они как выглядят? – не отрывался Шарик от миски, эхо которой, в свою очередь, делало его голос ещё более проникновенным.

– Тебе честно сказать?

– Нет, честно скажи им. Тогда ты точно узнаешь, льстят или нет.

– А ты где сейчас живёшь? – продолжала вертеть перед ним хвостом Муха.
– На винзаводе в бочке из-под коньяка.
– Я смотрю, выдержанный стал, помудрел, что ли.
– Ага, как Диоген.
– Кто это?
– Древнегреческий философ, который жил в бочке.
– Значит, ты не одинок.
– Нет, не одинок, там столько ароматов, ведь для коньяка были отобраны лучшие сорта винограда?
– У кого?
– Думай, что говоришь.
– Зачем мне думать, когда хочется просто поговорить.
– С тобой невозможно, Муха. Дай, поесть спокойно, – не отрывая морду от тарелки, повернулся к ней задом Шарик.
– Да, ешь, кто тебе не даёт.
«Кто мне только не даёт», – про себя пробурчал Шарик. Ему не хотелось сейчас их вспоминать.

Муха же ненадолго оставила его в покое и попыталась занять себя чем-нибудь, напевая бархатным голоском:

– Как же мне хочется, как же мне хочется вам насолить. Я не злопамятна, это всё одиночество, на которое вы меня обрекли. Шарик, я давно хотела тебя спросить.

«Чёрт! – огрызнулся тот про себя. – Сейчас начнёт разводить на чувства. Ну что за дурацкая женская привычка – лезть в душу на голодный желудок?»

– Ты никогда не хотел быть человеком?
– Хотел, конечно, хотел... Только расхотел, после того как прочёл «Собачье сердце».
– О чём книга? – лениво спросила Муха, всем своим видом демонстрируя равнодушие к литературе.

– О полном распаде иллюзий. После этой книги вижу один и тот же сон.
– И что там? – заинтересовалась Муха.
– Кот.
– Кот? – чихнула она.
– Ты не простыла? – сверкнули заботой зрачки Шарика.
– Нет, у меня на кошек аллергия.
– А кот не простой, говорящий, – убрал последнюю макаронину Шарик, облизнулся и положил морду рядом с миской.

– И с кем же он говорит? – ещё раз чихнула Муха и виновато зажмурилась.
– Со своим хозяином.
– А, – понимающе завывала Муха, – это значит, что ты, как всякая собака, в поиске хозяина.
– Да, только у этого хозяина – моя душа.
– Чёрт, как всё запутано, дай подумать... Значит, в прошлой жизни ты был человеком, а в следующей будешь котом.

– Этого мне только не хватало.
– Да, нежности тебе всегда не хватало.
– Ну, по крайней мере, есть повод жить долго, – не слушал её Шарик. Он закрыл глаза и задремал.

«Какая из жизней работает на этот раз? – думал про себя Шарик. – Если политика ушла в бизнес, старики требуют реставрации, средний класс обнищал, молодёжь подседа на алкоголь, наркота изолирует их от подлинных переживаний души и тела. Артисты, художники, писатели – фуфел, культивирующие стёб и цинизм. При низком уровне жизни низок и уровень духа,

хотя цинизм – это неплохо, в нём гораздо больше правдивого, чем в демократии, чем в либералах, ставших консерваторами, удерживая власть. Только хочется спросить у них: „А что в консервах?“ Тушёное мясо рабочей силы, из него можно приготовить любое блюдо, лишь бы хватило водки, люди будут бухать и пахать, на то они и созданы. Уважение – где оно? Хотя бы к себе самому, люди готовы отдаться за несколько сотен, за несколько макаронин, – посмотрел на пустую миску Шарик. – Фигурально, а некоторые даже на полном серьёзе готовы. Что же сделало нас скотом, таких чувствительных и разумных? Что?» – накрыто его как одеялом этим вопросом.

* * *

Я сидел на двадцатом этаже, в офисе, левой рукой листая картинки в журналах своих конкурентов. Задница моя была встроена в кожаное кресло нашего издательства, правая рука была занята чашкой, голова – делом, сердце – любовью к самому себе, я пил небольшими глотками кофе, который только что сварила моя секретарша. Неожиданно позвонил кот:

– Тут сосед зашёл, просит присмотреть за его зверушками.

– Какими зверушками? – захлопнул я от такого поворота журнал. – Мне тебя с головой хватает, – кофе вдруг стал горьким.

– Слушай, давай я ему трубку дам, он тебе объяснит всё сам.

– Ладно, – обжёг кофе мне язык и матерное слово, что болталось на его красном кончике, пробежало вниз по всему телу, словно электричество.

– Извините, не могли бы вы присмотреть за моими ребятами, ко мне девушка приезжает.

– Так ребята или зверята?

– Что-то среднее.

– Понятно. А животные дикие?

– Нет, они очень смирные. Да и животными не поворачивается язык их назвать.

– Много их? – ворчал я обожжённым своим.

– Восемь.

– В смысле? Что, восемь разных зверей? – мял я трубку.

– Восемь маленьких слов. Никаких хлопот, послушные и не ругательные. Раз в день погулять, раз в день покормить, не больше. Очень быстро растут, сами понимаете, какие могут быть предложения, в моей-то халупе, один кое-как помещаюсь.

– Вы хотели сделать предложение девушке? – таяло моё сердце.

– Да, только из этих слов вряд ли его сконструируешь.

– А что за слова? – медленно падало во мне напряжение.

– «Как мне всё надоело, хочется побыть в одиночестве». Всего восемь словечек.

– И из этих можно состряпать, при желании. Нуда ладно, ведите.

Трубку снова взял кот:

– Какие будут указания?

– Том, покажи, где им расположиться в квартире. Вечером буду. Конец связи.

– Хорошо, – повесил он трубку.

Через мгновение Том наблюдал за шеренгой, которая двигалась стройно в мою квартиру, а сосед всё давал консультации:

– Том, только имейте в виду, они путаются порой местами, меняя общий ход мысли. И вот ещё что, «одиночество» – оно очень уж капризное, ему нужно особое отношение.

– Думаю, мы разберёмся, – пересчитывал их хвостом кот, закрывая дверь.

Он отвёл словам угол спальни, те расселись на маленьком коврик.

– Сидеть тихо, не бегать, не прыгать, хозяин придёт, погуляет с вами, – лёг он и задремал перед ними.

Три дня прошли бурно, я выходил на улицу с этим детсадом гулять, люди видели: «как мне всё надоело, хочется побыть в одиночестве» и не лезли в душу. Лишь однажды отказались пойти гулять «всё» и «побыть». Я вышел с «как мне в одиночестве надоело, хочется». В этот день ко мне подошла незнакомая девушка, погладила милых зверюшек и меня заодно. Вечером я пригласил её на свидание, а ещё через неделю она переехала к нам вся, со своими вещами. Слова, как и обещал, забрал одинокий сосед. С помолвкой, видимо, не заладилось. Позже я встречал его иногда на прогулке с той же фразой: «Как мне всё надоело, хочется побыть в одиночестве». Зверюшки действительно подросли, особенно «одиночество».

* * *

– Ты чего скулишь? – понюхал Шарик незнакомку. «Из породистых, – сразу определил он, изучая её ошейник со стразами. – Шерсть лоснится и блестит как шёлк, а запах какой! С ума сойти».

– Хозяин ударил. Да нет, не туда, по морде!

– Извини, привычка. За что? – обошёл он незнакомку и преданно посмотрел ей в глаза.

– Мужчина подошёл, дал конфету, погладил по голове, я взяла. Это его и выбесило, я имею в виду хозяина, – начала плакаться в шерстяную жилетку Шарика она.

– Какому мужчине понравится, если ты берёшь у другого? Понятное дело – ревнует.

– А он был такой галантный! Я имею в виду того мужчину.

– Не плачь, тушь течёт, – стал языком заливать её горе Шарик.

– Правда?

– Я уже слизнул.

– Спасибо. Вообще-то я спорить не люблю. Но могу укусить, – проступила улыбка на прелестной мордочке.

– Хочешь, я ему отомщу, цапну его за одно место?

– Вы такой смелый. Как вас зовут?

– Шарик. Можно на «ты».

– А меня Гер да Шейх Брут.

– Надо бы записать, сразу не запомнить.

– Можно просто Герда. Я хочу убежать из дома куда глаза глядят, – задрала она свой носик вверх так, что у Шарика проснулась жалость к её трогательной влаге.

– Тогда бежим!

– Так просто?

– Да. Просто беги рядом.

– Как прекрасно почувствовать себя свободной: куда хочешь, туда бежишь, и с кем хочешь. Ты так быстро бежишь, Шарик! Ты, наверное, такой сильный!

– Так меня ноги кормят, – не смотрел под них Шарик, и только ветер поглаживал его внезапные уши, которые ловили каждый вздох и каждый выдох Герды, с приторной осторожностью, чтобы не загнать её этим счастливым галопом.

– Это твоя работа?

– Это моё хобби: бежать, когда рядом вдоль дороги, не останавливаясь, чешет природа.

Она – часть моей скуки, хотя и прекрасна.

– А я?

– А ты другая, ты лучше. Будь у тебя зеркальце заднего вида, ты бы знала, насколько прекрасны твои ландшафты.

– Мои уже устали, и кормит меня хозяин. Шарик, разве у тебя нет машины? Хозяин всегда на машине меня возил.

– Откуда? У меня и дома-то нет.

- Ты, наверное, бездомный?
- Наверное, – сбавил он темп, заметив, что незнакомка начала отставать.
- Я слышала про таких.
- Про меня всякое говорят.
- Тогда куда мы бежим? Я-то думала, что к тебе.
- Нет, я же говорил, бежим просто так, я всегда бегаю, когда делать нечего.
- Ты, наверное, легкоатлет?
- Да нет, у меня даже формы нет. Есть уже охота... Может, поедим, я знаю здесь одну замечательную помойку?
- После шести я не ем.
- Фигура? – бросил на неё многозначительный взгляд Шарик. – Понимаю, хочешь помочь?
- Нет.
- Я тоже не хочу, но надо, подожди немного, я быстро.
- Ты такой бескомпромиссный, Шарик.
- Я такой, – отклонился он от курса.
- Чёрт, я совсем забыла, что ко мне парикмахер должен прийти в восемь.
- А как же свобода? – догнал её Шарик, окропив столб.
- Может, в следующий раз? Свобода от нас никуда не денется.
- Хорошо, тогда я тебя провожу.
- Ты такой любезный.
- Вы прекрасны, – долго думал Шарик с чего начать и перешёл обратно на «вы», чтобы казаться как можно дипломатичнее. – Могли бы мы... Как вам сказать поэтичнее? Трали-вали.
- Вы имеете в виду шпили-вили? – перевела его мысли Герда.
- Да! – обрадовался он. Он ещё никогда не встречал таких умных баб. – Как вы точно подметили.
- Проходила уже, – вздохнула она.
- И что? – включил всё свое обаяние Шарик, наклонив голову вбок на тридцать градусов. Он всегда так делал, когда не хватало слов.
- Ни шатко, ни валко! Сами знаете, потом будут чувства, а вам трын-трава. Не хочу...
- Как же быть?
- Будьте смелее, предложите мне жили-были.
- «Что я ей, породистой сучке, могу предложить? – вернул голову на место Шарик. – После свадьбы – медовый месяц в палатке, в страницах берёзовой пуши, в жидком кристалле лесного озера. Где он наловит ей свежей рыбы, а она сварит, вечером у костра они поедят ухи, если у неё нет аллергии на рыбу. Потом они будут смотреть на звёзды, их будут покусывать комары. Они будут обходиться без слов, без нежных шаблонов, будут целоваться, губами пропахнет рыба и листвой будет перешёптываться природа: „Вот это любовь у людей – клёвая“».
- Завтра погуляем? – не нашёл он более дельного предложения.
- Скорее всего. Где я тебя найду? – лизнула его на прощание Герда и понеслась к подъезду.
- Во дворе. Кто не знает Шарика! – крикнул ей Шарик вдогонку. И побрёл передохнуть к ближайшей скамейке, где трескали семечками старухи:
- Жизнь прошла без оргазма, – одна бабка другой, громко перегрызая горло семечке. – Не могу понять почему так случилось? Комсомол, муж, работа, дети, завод, жизнь прошла на одной заводке, другие мужчины... – сбросила она шелуху с подола, – ...не интересовали. Как-то было не до него, не до оргазма, будто я пыталась найти его в чём-то другом.
- Её соседка по скамейке, затягивая потуже платок, прошамкала металлокерамикой:

– Природа совсем не глупа, и нельзя заменить то, что выстрадано тысячелетиями, миллионными постелями лет наслаждения. Словно розы – они с шипами.

– Опять стихами заговорила. Кто с шипами? Постели?

– Ты чем меня слушаешь? Наслаждения. В твоём случае виноват политический строй, элементарно тебе было некогда, некоторые должны подготовить почву, чтобы избранные организовались, – посмотрела она почему-то прямо на Шарика. Тот смутился и закрыл глаза, притворившись спящим.

* * *

Совесть не давала покоя, до тех пор, пока я не взял трубку и не позвонил коту:

– Блин, чувак, извини, что я тебя утормолил ногой, – вспомнил как сегодня, опаздывая на работу, в одних трусах, посреди коридора, гладил брюки. А под ногами, играя на нервах, путался Том. Я долго его терпел, пока не поддел под живот правой, и отфутболил роскошным пасом прямо жене в ноги. Та вскрикнула и набросилась на меня, типа я тут второстепенный, вот животное – это другое дело – незащищенное. И пошло-поехало. Из искры возгорается женщина: манипулируя утюгом раскалённым, я прорычал:

– Тварь шерстяная...

– Ты мне? – перебила меня жена.

– Дай мне сказать... – неужели она способна испортить то, что нажито было между нами годами?

Жена промолчала, взяла Тома под мышку, и их смыло в соседнюю комнату, а меня – на работу.

– А я всё думал, позвонишь – не позвонишь, нужно ли принимать меры. Портить тебе обувь или не стоит?

«Я тебе испорчу!» – погрозил я пальцем про себя и с чувством исполненного долга взял со стола свежий журнал.

– Не скучай, скоро приду. Принесу что-нибудь вкусное.

– Всё равно это не любовь. Нет её.

– Как нет? Смотри, сколько её кругом валяется, – листал я журнал. – Окон губы жуют огоньки, обнажённые ноги витрины, глаза, волосы, рты, смешанные в порыве, люди не больше, не меньше – проститутки любви и пьяницы, – перелистывал я глянцевою десятку самых сексуальных женщин года.

– Люди – это конченные психотики, они хотят, они требуют, чтобы их любили: рвали для них букетами звёзды, глотали золотые шпаги соборов, застилали постелей пляжи с одеялами моря, признаниями набивали тумбочки, – обошёл меня в красноречии Том и добавил: – Только не надо путать людей и кошек.

– А у кошек разве не так?

– Да, по-другому. Бескорыстно!

– Ладно, успокойся Том, если тебе моей любви мало, город ждёт тебя, здесь есть кого полюбить, есть кого сделать поклонницей. Главное – чувствовать себя явлением, даже среди запаха плесени, октября, холода, дрожи, холерики, надо только набраться смелости.

– Так это на улице! Ты же меня туда не пускаешь.

– Тебе нельзя на улицу – пропадёшь. В смысле, засосёт красивая жизнь. Потом будешь приходить пьяный от счастья, только по утрам, только похмелать, не один.

* * *

– Спасибо Муха, накормила от пуза. Может, пойдём на асфальте полежим, вроде прогрелся уже, помечтаем.

– А тебе разве на работу не надо?

– Нет, я уволился. Надоела мне эта жизнь бродячая, да и дрессировщик тоже. Шарика за сахар не купишь, пусть поищет себе другого дурака! В общем, откусил я ему эту руку, которая меня кормила, так и бежал потом без оглядки: в зубах рука, в руке сахар?

– Отчаянный ты, Шарик, хотя правильно, пусть люди работают, им за это платят.

– Вот ты мне объясни, Муха, – завёлся Шарик. – Неужели так трудно научиться доставать из кармана сахар.

– Конечно, Шарик. Это же его сахар.

– Знаешь в чём его ошибка, да и других тоже: им кажется, что это они нас дрессируют. На самом-то деле это мне приходится выполнять кульбиты, чтобы он просто протянул руку с куском рафинада.

Муха зашуршала в углу конуры и достала из тайника кусок сахара:

– На, Шарик, успокойся.

– Спасибо, добрая душа.

– Скажи ещё, что я лучше поддаюсь дрессировке, чем люди, – рассмеялась весёлым лаем Муха. – Пойдём лучше в парк. День обещает быть жарким, а там тенёк.

– С тобой хоть на край света, – проглотил рафинад Шарик. – Но, по-моему, там ремонт, – включил заднюю правую и почесал свои худые рёбра.

– Тем лучше, народу меньше.

– Тогда догоняй, – рванул пёс из конуры на волю.

– С тобой бежать одно удовольствие, – трусила рядом с Шариком Муха по направлению к парку.

– А лежать – другое?

– Ой, и не говори.

– Сколько же здесь столбов, этак у меня на все не хватит.

– Ладно, тебе ли жаловаться. Куда думаешь теперь податься?

– Собираюсь на границу пойти служить, если пройду медкомиссию.

– Может, лучше сразу за?

– А там видно будет.

– Ты, кстати, слышал, тут конкурс объявили в отряды космонавтов.

– Нет ещё, а где это?

– Здесь рядом, в клубе «Собака вдруг человека» кастинг проводят.

– Ты уже сбегала?

– Завтра собираюсь. Хочешь, побежим вместе?

– Не знаю, в космос меня что-то не тянет, темно там и скучно. Кроме звёзд, ни одной живой души. А мне же общение нужно, – прошмыгнул сквозь прутья железной ограды Шарик и затем галантно помог это сделать Мухе.

На парке не было лица... Он действительно стоял на ремонте. Его причёска взъерошенная рывтинами и канавами, лишний раз напоминала о беспорядке внутри. Людей почти не было, только вороньё кружилось вверху, покашливая. Оно уже вывело птенцов и теперь учило их летать. Шарик с Мухой припарковались рядом, молодые, счастливые: его мужество отливало сиренью, её женственность отсвечивала одуванчиками.

– Шарик, у меня к тебе только один вопрос – что в отношениях, на твой взгляд, является главным?

– Нежность, – перевернулся на спину Шарик и закрыл глаза солнцу.

– Да, – согласилась Муха, погладив себя лапой по пузу, – это, пожалуй, самое важное, больше всего не люблю, когда грубо и сразу в душу. Чёрт! Вот, что я говорила, – начала стряхивать с себя что-то Муха. – Отложила мне прямо на голову, все норовят засрать мой мозг.

«Если бы не его отсутствие», – подумал про себя Шарик и добавил вслух:

– Хорошо, что ты оставила его дома.

– Смешно тебе, – тёрлась об траву пузом Муха.

– Вообще, это считается хорошей приметой.

– Да, но вряд ли ты бы хотел оказаться на моём месте, – все ещё избавлялась от следов чужих экскрементов Муха. – Отомстил бы за даму, – досталось и Шарiku за равнодушие.

Шарик лениво встал на лапы и так же лениво кинулся лаять на ворону, которая спустилась с небес, и посмеиваясь, вышагивала рядом. Как только Шарик пересёк воображаемую границу безопасности, она вспорхнула и крикнула ему что-то сверху.

Вскоре парочка забыла об инциденте, продолжая валяться в тени жарких лучей солнца. Не обращая внимания, что кусок природы был на ремонте. Деревья выражали чувства, шелестя листвою. Недалеко от них за решёткой сидел Чернышевский, грустный, с вечным вопросом: «Что делать?». Он ещё не знал, что ему дали пожизненное. Но, несмотря на это, ему крупно повезло – некоторые отбывают срок стоя. Редкие прохожие не обращали на это внимания, как и на Муху с Шариком. Кто-то шёл по своим делам, иные убивали безделье. Шарик наблюдал за молодым человеком, который чудом здесь встретил старого приятеля, изо рта у обоих воняло лезть: они обменялись ею по поводу внешнего вида.

– Какие любезные, – восхищалась Муха.

– Плевал я на любезность. Даже парк пытается меняться, а люди нет, и в жару ходят в масках, – прокомментировал Шарик.

– Успокойся, – жмурилась от удовольствия Муха. – Внешний мир настолько разнообразен, насколько ограничен внутренний.

– Ты за этим в космос собираешься?

– Да, я всё время мысленно общаюсь со звёздами по ночам. Посылаю им сигналы, только отсюда их не достать.

– Зачем тебе звёзды? Они же тупые, у них в голове, кроме света, ничего не осталось. «Как я выгляжу в свете? Как бы мне ещё засветиться?»

– А я бы хотела к ним поближе. Только конкурс, говорят, сложный. По подиуму надо пройти. Сколько не пробовала, всё на бег перехожу.

– У тебя фигура хорошая, должны взять. Твой-то как, отпустит тебя в космос?

– Ты про Бобика? Прогнала я его, свободная теперь сука. Как он меня достал! Ни денег, ни внимания, собачились постоянно.

– Вот как? А кем он работал?

– В метро стоял с одним хмырём. Точка у них там, частное предприятие «Пятая нога». Может, видел, они с табличками и с ведрами в зубах на жалость давят.

– Вроде денежное место, метро. Но там тоже конкуренция, каждый со своим отверстием для денег.

– Да, если бы не поезд... Он, как поезд увидит, так и срывается. Издержки воспитания, у него же родители всю жизнь на цепи просидели. Уволили как профнепригодного.

– Тяжело расходились?

– Я до сих пор не знаю, что со мной происходит в этой жизни, я не нахожу себе места.

– Да, место – это важно. Говорил тебе – ищи мужика с квартирой. Так ты теперь одна живёшь?

– С сыном.

– Не скучно?

- Некогда, щенок весь в папашу, тоже всё на приключения тянет.
- А как зовут?
- Ру.
- Хорошее имя для собаки.
- Хорошее, если бы не связался с каким-то ультраправым движением, вот и митингуют у НИИ им. Павлова за свободу условных рефлексов. Боюсь я, как бы его туда не забрали. Может, ты с ним поговоришь, Шарик?
- Посмотрим. Посмотрим что-нибудь вечером?
- Вечером у меня курсы. Я же на английский записалась.
- Зачем тебе английский?
- С инопланетянами общаться.
- Думаешь, они знают этот масонский язык? Лучше научись показывать зубы, сейчас это важнее. Фрейда читала?
- Нет, а кто это?
- Был такой учёный, типа Павлова. Только второй был практиком и всё больше с собачками, а этот – теоретик, и с людьми. Так вот он до того сублимировал человеческое бытие, что свёл его к трём желаниям: секс, еда и сон.
- Умный ты, Шарик, трудно с тобой.
- С умными – трудно, с глупыми – скучно. С кем же ты хочешь быть, женщина?
- С Фрейдом, наверное, хотела бы. Вон как он всё упростил: еда, секс, сон – вот оно, счастье, зачем его усложнять.
- Секса у нас уже не будет, потому что мы теперь друзья, еды нет. Пospим? – логически заключил Шарик.

* * *

Солнцем выбило окна, орали, как сумасшедшие, птицы. Я на кухне, в руках у меня бутерброд: жую то, что ещё беспокоит, проглатываю то, что уже случилось. Входит кот, неразговорчивый, мартовский. Ему не до смеха: кошек нет, мыши оптические, только еда мышинного цвета, а хотелось, возможно, в горошек или хотя бы в клетку. Мы молча завтракаем, аромат одиночества.

- Чего ты такой недовольный? Может, соли в еде не хватает?
 - Не соли. Жертвы, вот чего не хватает в жизни, если ты хищник. А я в душе своей хищник, – начал вылизывать шерсть на груди Том.
 - А я, по-твоему, жертва?
 - Да, тебе не хватает хищницы.
 - Так всегда – разведёшься, а потом скучаешь, места себе не находишь. Ты-то откуда узнал, что я скучаю? – посмотрел я испытующе на кота.
 - Ты с утра наступил мне на хвост.
 - Что же ты промолчал?
 - Из чувства такта. А ты чего улыбался?
 - Из чувства юмора. Извини, вышло случайно. Но в целом ты прав.
 - А в частном?
 - Частная жизнь моя не настолько разнообразна, – доел я свой бутерброд и посмотрел на кота.
- Он кинул мне в ответ два своих изумруда.
- Хочешь поговорить? Валяй! – ловким прыжком кот забрался мне на колени.
 - Том, ты когда-нибудь убивал?
 - Только мышей, и то заводных, – стащил он со стола кусок сыра.

- А ты?
- Я всё время пытаюсь убить время, – посмотрел я на кухонные часы, которые тихо показывали, что идут, но до сих пор ещё не ушли.
- За что?
- За то, что уходит.
- Значит, ты ему просто не нравишься. Ты действительно хочешь его прикончить?
- Иногда очень сильно.
- Подумай, потом надо будет оправдываться, объяснять, куда ты дел его труп, замечать следы. Тебе это надо?
- Откуда я знаю. Ладно, зайду с другой стороны: ты боишься смерти? Говорят, что если человек не выполнил миссию, то зачем он родился, то ему умирать очень страшно.
- Как утро, однако, не задалось, – взял ещё сыра кот. – Таким вопросом можно и убить ненароком. Не, я её не боюсь, если с хозяином жизни нет никакой, то и смерти, должно быть, нет.
- Тебе здесь плохо живётся?
- Я требую трёхразовое питание, женщин, два раза в год – море... Шутка. В раю, возможно, живётся комфортней, но не хотел бы, не думаю, что там есть интересные люди.
- Интересные все в аду.
- Именно. Они ещё здесь есть, – лизнул он мою руку.

* * *

- Привет, Муха, – подбежал Шарик по привычке сзади.
- Здравствуй, Шарик. Да хватит тебе уже принохиваться, опять небритый, соскучился, что ли? – скромно пыталась развернуться Муха.
- Да, всю ночь о тебе думал, смотрел на звёзды и представлял, как ты там будешь в космосе, в темноте, без пищи, – глядел он в её большие томные глаза.
- Я же всего на три витка, если ещё полечу, – закатила она глаза.
- Как кастинг-то прошёл, кстати?
- Да вроде ничего прошёл, правда, пришлось переспать с главным. Космос требует жертв.
- Ни стыда, ни совести, – улыбнулся пёс белыми зубами.
- А зачем брать лишнее на орбиту? Бессовестно, но быстро: пять минут без совести за три часа в космосе, – закатила Муха глаза ещё дальше.
- Недорого, – почесал Шарик ногой за ухом. – Теперь тебе всё время с ним спать придётся? – стал рисовать на земле замысловатые цветочки.
- Не знаю, сказали, что подготовка к полёту займёт три месяца – испытательный срок. Но самое главное, что у меня теперь будет новое имя, свой позывной – Белка!
- Почему Белка? – затёр он свои творения.
- Потому что на букву Б, – поблелдела Муха.
- Ты что, одна полетишь? – застелил Шарик своим телом тёплую землю.
- Нет, с одной сучкой, со Стрелкой.
- Потому что на букву С? – положил он морду на вытянутые вперёд лапы, и она растеклась по ним.
- Терниста дорога к звёздам, – легла Муха рядом, впившись своим провинившимся взглядом в его глазные яблоки.
- Оно того стоит? – закрыл Шарик глаза, будто был сторожем этого яблочного сада.
- Не знаю. Сына надо поднять на лапы. Он же у меня единственный и такой непутёвый, – поймала языком Муха падающую по морде слезу.

– Дети, как им хорошо без нас, как нам плохо без них, – вспомнил он своё щенячье детство и родительскую конуру.

– Ты-то своего видишь часто? – лизнула она Шарика.

– Раз в неделю, – услышал пёс запах домашнего супа в её языке.

– Алименты платишь? – не переставала она лизать его гордость.

– Ежемесячно, тридцать пять процентов костей, – начал он возбуждаться от такого обилия женской неги.

– Ты всё в кости играешь, а ребёнку мясо нужно, – резко прекратила она ласкать его морду.

– Да где же я его возьму, мясо-то? Работу ищу, перебиваюсь пока старыми заначками.

– А как же заграница? – поднялась с земли и отряхнулась Муха.

– Ну ты же понимаешь, что всё это одна болтовня, для красного словца, кому я там нужен, за границей, там своих псов хватает, – со злостью на себя закусил Шарик блоху, которая ползла по его лапе. А может, и не было никакой блохи, просто злость.

– Чем сегодня займёмся? – попыталась она отвлечь от тяжёлых дум Шарика.

– Может, кино посмотрим?

– Может, лучше друг на друга?

– А других нет вариантов?

– Никто меня не любит, никому я не нужна, – заскулила Муха.

– Так радуйся: никто не обидит, не бросит ради другой, не изменит, не выгонит, не поцелует жадно в самое сердце, чтобы затем плюнуть в душу. Ты в безопасности, – прикусил Шарик любя её холку.

– К чёрту опасность! Знал бы ты, как её порой не хватает, – виляя хвостом, оценила она его манёвр.

Шарик хорошо знал, что после этих слов погода в душе женщины начинает резко портиться, как бы ярко ни светило солнце. Он хотел бы утешить Муху, но знал, чем это может обернуться. То, что было, обязательно повторяется, стоит только попробовать заново начать городить огород отношений, стоит только один раз остаться, а утром почистить зубы, одеться, позавтракать и выйти на улицу, можно даже не завтракать, можно даже не одеваться. И пошло-поехало, минимум через неделю, если считать, что эта неделя будет медовой, опять выедание нервов. А может быть хватит, и ночи, как только холодильник, пустой утром, пожмёт тебе руку, или лапа забудет выключить свет в туалете или другой найдётся какой-то предлог, который ты попытаешься писать слитно с тем, что может существовать только отдельно.

– Неужели ты всё ещё меня не простил? – угадала движение его мыслей Муха.

– Простить можно что угодно, только это будет уже не любовь, и даже не дружба.

– А что это будет?

– Кёрлинг, где один станет с криками сталкивать камень с души, а другой попытается оттереть на ней пятно.

– Сколько я не смотрела, этот вид спорта не понимаю.

– А что там непонятного? Всё как в жизни, сплошные тёрки.

– Я чувствую себя бесполезной вещью, даже ты меня больше не замечаешь.

Шарик почувствовал, что нечто внутри Мухи искалечено и не подлежит ремонту, хотя многие до сих пор так или иначе пытаются восстановить её нежность, лезут в монетоприёмник, в эту складку любви, пещерку истомы, в этот спальный мешок, в карман, в ларец с драгоценностями, в вечную скважину нефти, в её метро, в её бесконечный космос... За любовью, со своим проездным билетом. Он даже услышал, как она всем им кричит: «Уберите единый! В космосе он не действителен».

«Муха капризна сегодня, но космос капризней», – поглядывал на небо Шарик. И действительно, над парком уже висела туча с гигантский надувной матрац лилового цвета.

– Мне кажется, сейчас ливанёт. Может, к дому двинем?

– Да! Проводишь?

– Хорошо, бежим! – рванул с места Шарик, мотая про себя: «Как я могу отказать, если женщина просит», а Муха полетела за ним следом с той же самой мыслью: «... если мужчина хочет».

* * *

Природа, несмотря на прогнозы, выходит, долго гуляет по каменным воспоминаниям набережных, по саду домов обручившего город кольца, по улицам, спутанным, словно мысли, в клубок, по растаявшим от дождя площадям.

Он всегда держал нос по ветру и знал: единственная падаль, что прекрасна – падаль листьев. Однако осень, несмотря на всю её пестроту, Шарик не любил. Словно демисезонное пальто, она висела на вешалке над городом. Наденешь его на себя – и тебе ни жарко, ни холодно, никак. Деревья сбрасывают лето, повсюду купюры скомканные сохнут и желтеют, инфляция не только в листопаде, она проникала глубже, в настроение. Сезон ливней, мокрых лап и текущего носа. Дождь, и этим всё сказано, подмочена репутация города, все строят крыши над головой, оптимизм близок к нулю. Хотя одна из людских мечт сама собою сбылась: какое-то время все могут жить в отдельных домах зонтов. Так и ходят каждый в своём домике. Ходят и медитируют: «Скорее бы Новый год». Он тоже старался мыслить позитивно, разрезая своим бегом толпу, блуждая по городу, переживая осень, пёс внушал себе, что это не осень, а весна. Иногда срабатывало.

Шарик бежал по утреннему тротуару центрального проспекта, сверху серыми слезами камня свешивалась лепнина, дождь скучным многоточием выбивал в Word: «Ты одинокий, никому не нужный, женщина или мужчина, кобель или сука, сдохнешь, если выйдешь за пределы города». Ему не надо было за пределы, он вообще не знал, куда ему надо было. Обычная утренняя пробежка для поддержания формы. Текст ливня без конца бубнил о том, как погибает искусство, так как город вымок, климат мерзок, да настолько, что Шарик вдруг захотелось уехать прямо в этот самый момент. Уезжать было не на чем, поэтому он убегал. Он знал, что бежит в постоянство в беспредметность, то и дело возвращаясь к грустному. Перед его глазами стояла написанная дождём от его имени открытка: «Лето умерло, прошу климатического убежища» с видом на Летний парк. Эту великолепную открытку ему хотелось бы отправить в Австралию, в страну вечного лета. У него была одна несбыточная мечта детства: примкнуть к стае диких собак динго, хотя он плохо представлял, как они выглядят и сможет ли он с ними жить. Но это было не так важно, по сравнению с тем, что была мечта. Иногда ему очень сильно хотелось верить, что его предки – выходцы именно из этой породы диких собак, мысли и дела которых окрашены в индиго, и что именно в этом слове – корень самой породы динго. Однако открытка до сих пор не отправлена. Где же она? В его фантазии, в данный момент мокнет и разбухает, от этого не лезет в ящик. Шарик очень не хотелось хоронить это лето, которое опухло от воспоминаний и уже смердит в мозг бездельем, безработицей, свободой и клянчит: «Возвращайся на родину предков, в Австралию, что ты потерял там, осень так похожа на тоску».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.